

Наконец, спросим, что в самом образовании составляет напряженность и конфликтность? Пожалуй, это драматичность, и даже более, трагичность бытия образованного человека. Образованию, чтобы быть, необходимо отличаться от иного, от необразованности, которая суть текучесть, алогичность, небытие. Онтологически образование есть преодоление небытия, и в этом преодолении вся внутренняя напряженность, весь трагизм образования. Образованию необходимо преодолевать небытие, бессмыслицу, и чем сильнее тьма, тем ярче должен быть свет. Судьбы Сократа, Платона, Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, Ф. Ницше и многих других тому подтверждение.

Библиографические ссылки

1. Гадамер Х.-Г. Что есть истина? [Текст] / Х.-Г. Гадамер // Логос. – М., 1991. – № 1. – С. 30–37.
2. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию [Текст] / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, Изд. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

Надійшла до редколегії 04.01.11

УДК 141.112

Л. В. Аврахова

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)

СТАНОВЛЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М. М. БАХТИНА

Розглянуто оригінальну творчість М. М. Бахтіна, становлення діалогічної філософії вченого, роль і місце діалогізму у сучасній науці.

Ключові слова: діалог, діалогізм, поліфонія, творча спадщина, бахтіністика, автор, герой, категорія відповідальності.

Рассматрено оригинальное творчество М. М. Бахтина, становление диалогической философии ученого, роль и место диалогизма в современной науке.

Ключевые слова: диалог, диалогизм, полифония, творческое наследие, бахтинистика, автор, герой, категория ответственности.

This article discusses the original work of M. M. Bakhtin, dialogical philosophy of becoming a scientist, the role and place of dialogism in modern science.

Keywords: dialogue, dialogism, polyphony, creative heritage, Bakhtinology, the author, the hero, the category of responsibility.

Актуальность темы исследования. Кто же и в какой мере М. М. Бахтин: литературовед, лингвист или философ? Споры ведутся до сих пор. Можно причислять его к любому из этих направлений. Как он сам отмечал, его «исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [5, с. 297].

Но в чем уникальность его творчества, если не сводить его подходы к простому переплетению указанных дисциплин или случайной заинтересованности смежными проблемами? Всесторонняя одаренность М. М. Бахтина, его личностные качества, своеобразно сказавшиеся на всей его творческой биографии, вновь и вновь пробуждают интерес к его наследию с целью выявить многоплановые аспекты его незаурядного таланта.

Целью данной статьи является анализ творческого пути М. М. Бахтина и выявление некоторых объективных и субъективных факторов, обусловивших становление ученого как своеобразного философа. Этой теме в современной *отечественной и зарубежной литературе* касались С. Аверинцев, Н. Бонеецкая, В. Ветловская, А. Грякалов, В. Иванов, К. Исупов, В. Кожинов, Ю. Кристева, А. Лосев, В. Махлин, В. Пронякин и др. Системного исследования творческой биографии и наследия М. М. Бахтина до сих пор нет (хотя попытки в этом направлении предпринимались неоднократно). Оценки и выводы имеющихся исследований (преимущественно, как нам кажется, литературоведческого плана) свидетельствуют о неисчерпаемом богатстве его творческого наследия. И всякий раз бахтиноведческая полифония лишь пополняет плодотворным позитивом современные историко-философские разработки, подтверждая актуальность обращения к философии М. М. Бахтина.

Основная часть. Судьба многих великих людей становилась драматичной из-за того, что их уникальные заслуги перед наукой или искусством не были признанными прижизненно. Такова судьба и ученого с мировым именем Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975), чье заслуженное признание оказалось отсроченным на несколько десятилетий после его смерти. На широкий простор отечественной и зарубежной мысли он как бы вдруг является из небытия лишь в 90-е гг. Начинается настоящий «бахтинский бум» вокруг оригинальных и талантливых изысканий незаурядного ученого и человека. Видимо, этому благоприятствовало иное историческое время, когда идеологическая и издательская цензура стала толерантной к оригинальности в творчестве.

По выражению С. Аверинцева, М. М. Бахтин предстает «как высококоординированный и универсально образованный литературовед» [1, с. 58]. Окончив историко-филологический факультет, М. М. Бахтин не ограничивается чисто филологическими вопросами. Многообразие его научного исследования состоит из лингвистических, литературоведческих и философских исследований, которые трудно разделить на отдельные работы или даже периоды его творчества. Синкретическое единение его подходов говорит, с одной стороны, о глубоком философском проникновении в проблемы литературоведения (как в проблемы самой исторической эпохи), с другой – об уникальном способе философствования с использованием литературоведческих средств. В конечном итоге, научные изыскания М. М. Бахтина всегда затрагивали ключевые проблемы человеческого существования, глубинные пласты человеческой духовности, относительно которой литературоведческие и философские проблемы неразделимы, как неразделимы и ценностные ориентации социума, стоящие в контексте всего бахтинского творчества.

Для анализа этих ориентаций М. М. Бахтин выбирает специфические литературоведческие и лингвистические средства (автор и герой, диалог и поступок, карнавализация и диалог культур, язык и общение и другие), которые становятся интереснейшим способом философского анализа литературного потенциала в искусстве и его возможностей в культурно-нравственном оздоровлении социума.

Такому подходу предшествовали определенные научные ориентации самого М. М. Бахтина.

Становление философского творчества М. М. Бахтина невозможно объяснить какими-то четко обозначенными, однозначными идейно-теоретическими источниками, наподобие того, как диалектика Маркса определяется «перевернутой с головы на ноги» диалектикой Гегеля. И это может говорить о М. М. Бахтине как «чисто» самобытным явлении.

Однако его философия зарождалась под влиянием определенных историко-философских тенденций. Изначально вдохновляющей философской основой стала философия И. Канта в лице неокантианства. В кантовском трансцендентализме мы находим аналогию философских подходов, которые используются М. М. Бахтиным в рассмотрении таких проблем, как семиотико-лингвистическая (герменевтическая) суть языка и общения, онтологический смысл диалога, предваряющего бытие нравственного поступка, априорность искусства и культуры перед реальной жизнью и др.

Надо заметить, что обращение М. М. Бахтина к философии И. Канта и к философской проблематике в целом было обусловлено стечением жизненных обстоятельств в его творческой судьбе.

Обучаясь в Петроградском университете (с 1916 г.), М. М. Бахтин увлеченно занимался вопросами философии в семинаре А. И. Введенского (представителя Петербургского философского общества), что и определило его дальнейший интерес к философии вообще и классической немецкой философии в частности (Введенский, как известно, был последователем философии И. Канта). М. М. Бахтин мечтал даже посвятить себя исключительно нравственной философии. Позже он и М. И. Каган организовали кружок, известный как Кантовский семинар. Регулярные философские беседы в сократовском стиле в последствии, видимо, и породили желание специально заняться философией диалога. А нравственная философия И. Канта и, прежде всего, категория ответственности стали жизненным и творческим кредо самого М. М. Бахтина – как художника, ученого, человека. Ответственность должна стать категориальным императивом в жизни каждого человека. По мнению М. М. Бахтина, вся человеческая жизнь – это поступок, «сплошное поступление», а «личность должна быть сплошь ответственной» [3, с. 4]. Именно бахтинские философско-нравственные разработки (опубликованные после его смерти под названием «К философии поступка») самым серьезным образом (в русском «заземленном» варианте) касались ответа на известный кантовский вопрос «Что такое человек?», который в западноевропейской философии по-прежнему звучал преимущественно риторически.

К началу XX в. ведущими представителями диалогической философии считались Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, М. Бубер, Г. Коген, но, по мнению некоторых исследователей (см. [6, с. 30–31]), они не имели большой популярности на Западе, и у нас о них, как о диалогистах, узнают лишь в начале 90-х годов. А если так, то можно считать, что появление диалогической философии в России в лице М. М. Бахтина не является прямым продолжением «традиции» западноевропейского диалогизма. Как пишет В. И. Пронякин, «не Бахтин как мыслитель влился со своими философскими и эстетическими идеями в традицию, а, напротив, традиция «нашла» для себя органичную среду в образованном его мыслью культурном пространстве» [8, с. 277–278]. Родство М. М. Бахтина с западной диалогической традицией оставалось в рамках изначальной приверженности кантианству и стремления через категорию диалога осмыслить бытие человека в структуре социокультурных ценностей.

По большому счету, бахтинский выход в диалогическую философию был русским прорывом из кризиса западной посткантовской мысли, связанным с проблемами бытия человека в противоречивом и непредсказуемом XIX веке. «В лице М. М. Бахтина отечественная философия... в полной мере прочувствовал «трагедию» западной философии, вышла на передние рубежи европейской мысли» [6, с. 31].

Диалог для всех диалогистов был категорией онтологической, с помощью которой философия в то время пытается обратить внимание на проблемы объективного бытия, вытесненные из поля зрения философов кантовским субъективно-идеалистическим априоризмом и обозначенные как феномен «забвения бытия». Они не были исключительно диалогической темой. Ощущение кризиса породило многовекторные подходы к его разрешению. К проблемам реального бытия напрямую, с разных сторон, обращаются также философия жизни, экзистенциализм, прагматизм, герменевтика, структурная антропология и др. И это не было возвратом к докантовской онтологии. Скорее всего, докантовская метафизика теперь пытается в той или иной мере имплицитно увязать кантовский трансцендентализм и социокультурные реалии человеческой жизни. Во всяком случае, это следует отнести к диалогической философии. Сам М. М. Бахтин в интроспективной структуре культуры разрабатывает интерсубъективные способы решения проблем о соотношении должного в искусстве и сущего в реальном бытии. В конечном итоге диалогическая философия, благодаря этому, приобретает сугубо феноменологический характер, ориентируясь на «внезаходимое», но «нравственно очеловеченное» (М. М. Бахтин) бытие.

Метафізическая основа и проблемное поле диалогизма М. М. Бахтина – это единство мира культуры (центром которого является художественно-эстетическая ценность) и нравственной действительности (как сферы ответственного поступка), в отличие, например, от философии жизни, где эти две реальности некритически противопоставляются, где эстетическая сфера недостижимо возвышается над «тьмой низких истин». Эстетическая концепция М. М. Бахтина преследовала цель «примирить» искусство и жизнь и на этом пути создать «первую философию» – философию диалога и поступка. К философии диалога он идет через «эстетику словесного творчества» и философию языка.

Все философские проблемы (по крайней мере, как они поставлены на Западе) М. М. Бахтин усматривает в противоречии между культурой и жизнью и для анализа которых он прибегает к литературно-символическим средствам.

Фигуральным носителем художественно-эстетической ценности выступает герой, которого М. М. Бахтин представляет не просто как литературный вымысел, а как живую духовную реальность, пропитанную социальным содержанием и нравственным смыслом. По сути, художественный герой – это человек из реальной действительности, живущий рядом с нами и в нас самих. Ведь искусство и жизнь – едины и неразделимы.

Герой олицетворяет культурную ценность в той форме, которую задает ему автор. И в этой форме может доминировать как животворящее, так и мертвящее начало, в зависимости от которого разворачивается действие героя с соответствующим культурно-эстетическим подтекстом.

Отношения автора и героя могут быть произвольными: и жесткими, и свободными, «партнерскими». И в зависимости от того, какую форму литературной жизни героя задаст ему автор, в контексте произведения можно судить и об ответственности самого художника перед своей эпохой и обществом. М. М. Бахтин категорически не безразличен по отношению к автору, олицетворяющему запросы исторической эпохи, и культурно-нравственному должностованию в искусстве на основе ответственности: художник и человек, искусство и жизнь «не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [3, с. 4].

Выражая то или иное содержание жизни, искусство должно быть формой ее оживления. Но формой можно «парализовать мир»: «мертвость» художественной формы – это умерщвление «живой жизни» [7, с. 234].

Когда в диспозиции «автор-герой» доминирует первый и ставит второго в жесткие рамки его действия, тогда нельзя быть застрахованным от изжитых, мертвых или банальных образцов жизни. Когда же автор как бы «отпускает» героя, уравниваясь с ним и предоставляя ему равноправную свободу ценностного выбора, тогда герой приобретает жизненность, и его бытие в свободном «романтическом характере» сливается с бытием жизни, преисполненной возможностями творческого поиска и ответственного поступка. Так автор и герой вступают в своеобразный «разговор» двух ответственных друг перед другом персоналий. И этот «разговор» М. М. Бахтин обозначает понятием диалога, которое по своей «внесюжетной» сути («ядро диалога всегда внесюжетно» [4, с. 339]) становится исходным концептом, конституировавшим в целом бахтинскую философию как диалогическую.

Свобода героя в «романтическом характере» все же не должна быть абсолютной. «Романтический характер самочинен и ценностно инициативен» [2, с. 156], а самочинство и инициативность (как свобода от автора) могут ввести героя в фазу неформенной жизненной стихии, упраздняя эстетическую меру в культуре, вследствие чего происходит «разложение» характера, свидетельствующее о противоречии между культурой и жизнью. В конечном итоге, герой олицетворяет лишь некую идею, как «некую необходимую правду жизни, некий прообраз свой, замысел в нем бога» [2, с. 157]. В наиболее полной, но ответственной, реализации этой идеи состоит свобода автора.

В конечном итоге, свобода автора и героя, как раскрепощенность формы в содержании, в своем intersубъективном выражении символизирует единение культуры с жизнью со всеми непредсказуемыми перипетиями последней. Их

свобода в их диалоге – это свобода творчества, свобода выбора ценностных ориентаций, ограниченная, однако, ответственностью поступка.

Поступок М. М. Бахтин вначале (в замысле его нравственной философии) представлял как исходную форму бытия отдельной личности. И изначально субъектом поступка являлся автор. Но поскольку любой поступок «живой», отдельной личностью совершается на фоне социума и должен быть альтернативно осмысленным, то необходима другая личность, каковой становится герой. Ведь «жить – значит... вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п.» [5, с. 297]. Герой – это со-бытийный оппонент «поступающего» автора. Отношение между ними полагается как «бытие-событие», как диалогичное общение. В трактате «К философии поступка» такая онтологическая установка проявляется лишь как диалогическая интуиция. Окончательно онтология философского диалогизма М. М. Бахтина оформляется в его последующих трактатах по «эстетике словесного творчества» и, особенно, в книге о Достоевском.

Диалог предстает априорно-феноменологической конструирующей формой бытия, или, согласно формулировке С. В. Шевцова, «порождающей», «производящей структурой» [9, с. 182]. Диалог предваряет бытие нравственного поступка (наподобие гегелевского абсолютного духа, направляющего исторические действия человека). Если в трактате «К философии поступка» быть означало ответственно поступать, то в «Поэтике Достоевского» «быть – значит общаться диалогически» [4, с. 338]. Диалог – «не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового человека: нет, здесь человек не просто проявляет себя вовне, а впервые становится тем, чем он есть» [4, с. 338], то есть диалог не возникает как результат взаимодействия двух индивидов: он – во «внезаходимости», онтологически предшествует его участникам.

Такой трансцендентально-символический подход в понимании диалога (на стыке кантовского априоризма и философии жизни) позволяют М. М. Бахтину максимально («в идеале») выразить экзистенциальную суть «очеловеченного» бытия, в котором «вещная модель мира становится моделью диалогической», и в этой модели «человек участвует весь и всей своей жизнью» [5, с. 297], диалогически общаясь с миром («мировым симпозиумом») в поиске культурно-нравственных ценностей.

Выводы. Диалогу придается та изначальная порождающая активность через ответственный поступок, что в экзистенциализме созвучно переживаниям, создающим подлинное бытие человека. Мир приобретает значимость и ценностно-смысловую структурность лишь благодаря диалогу, лежащему в основе всех онтологических конструкций М. М. Бахтина.

Бахтинский диалогизм, хотя и имеет истоки в кантовской философии, но на зрелом этапе приобретает тенденцию концептуального сближения с экзистенциализмом, а в методологическом аспекте – с герменевтикой и структурной антропологией.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Личность и талант ученого / С. С. Аверинцев // Литературное обозрение. – 1976. – № 10. – С. 28–34.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М., 1986.
3. Бахтин М. М. Искусство и ответственность / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М., 1986.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1963.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986.
6. Бонеецкая Н. К. Философия диалога М. Бахтина / Н. К. Бонеецкая // Риторика. – 1995. – № 2. – С. 75–82.
7. Бахтин М. М. Герой и автор в художественном творчестве. Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского / М. М. Бахтин // Бахтин как философ. – М., 1992.
8. Пронякин В. И. Западноевропейская метафизика: истоки, эволюционные трансформации, перспективы / В. И. Пронякин. – Д., 2006.

9. Шевцов С. В. Метафизика и мифология поэтического мышления (античность – современность: событийный диалог) / С. В. Шевцов. – Д., 2007.

Надійшла до редколегії 10.01.11

УДК 141.333

С. Ш. Айтов

Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В.А. Лазаряна

ІСТОРИЧНО-АНТРОПОЛОГІЧНІ ЕПІСТЕМОЛОГІЧНІ ПІДХОДИ У ФІЛОСОФІЇ КУЛЬТУРИ Й. ГОЙЗІНГІ ТА РОЗВИТОК ІСТОРИЧНОЇ АНТРОПОЛОГІЇ І ФІЛОСОФІЇ НАУКИ

Проаналізовано вплив історично-антропологічних підходів філософії культури Й. Гойзінги на розвиток історично-антропологічних та філософсько-наукових досліджень.

Ключові слова: Й. Гойзінга, епістемологічні підходи, ментальність, історична антропологія, філософія науки.

Проанализировано влияние историко-антропологических подходов философии культуры Й. Хейзинги, на развитие исторически-антропологических и философско-научных исследований.

Ключевые слова: Й. Хейзинга, эпистемологические подходы, ментальность, историческая антропология, философия науки.

Influence of I. Huizinga philosophy of culture historical-anthropological epistemological approaches on historical-anthropological and philosophical-scientific investigations development is analyzed.

Keywords: I. Huizinga, epistemological approaches, mentalitee, historical anthropology, philosophy of science.

Постановка проблеми. Проблемою даної роботи є аналіз впливу історично-антропологічних інтенцій філософських досліджень та соціально-гуманітарних наук на розвій історичної антропології й філософії науки реалізований, зокрема при вивченні відповідних аспектів наукової спадщини Й. Гойзінги.

Стан дослідження проблеми. Творчість Й. Гойзінги, хоча і отримала визнання у фахівців у галузях філософії культури та соціально-гуманітарних наук, передусім, історії культури, не виявилась надто розповсюдженою в історично-наукових та історіографічних дослідженнях. Піонерські для першої половини ХХ ст. твори вченого «Осінь Середньовіччя», «Homo ludens», «У тіні завтрашнього дня» не часто були у фокусі когнітивної уваги дослідників, якщо мати на увазі ретельне вивчення робіт Гойзінги у контексті його часу, науковому та соціально-культурному. Переважають певні «узагальнені» оцінки творчості нідерландського ученого.

Так, С. С. Аверінцев вказав на філософські та релігійні витоки концепцій Й. Гойзінги. Ними, на думку першого, були традиційний гуманізм та християнські традиції менонітів Нідерландів [1, с. 170]. А. В. Михайлов відзначає належність методологічних підходів та філософських засад творчості Й. Гойзінги до антигегелівської когнітивної традиції німецького історика культури Я. Буркхардта (1818–1897). Історикам школи Буркхардта були властиві глобальна широта свого історичного підходу та бачення історичного процесу, перш за все як процесу розвитку культури [19, с. 423–424].